

УДК 329.055.1

УГРОЗА ПРАВОВОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ОПЫТ ЕЕ ПОДАВЛЕНИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ (1990-е гг.)

С. Г. Алленов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 февраля 2008 г.

Аннотация: *Статья содержит обзор развития правого экстремизма в ФРГ включая эволюцию социального состава и организационных структур, мотивов, методов деятельности и идейных установок его приверженцев в 1990-е гг. При этом особое внимание уделено мерам, предпринимавшимся для защиты конституционного строя Германии от угрозы «справа», в том числе соответствующей корректировке уголовного законодательства, совершенствованию работы спецслужб, полиции и судов, а также активизации деятельности средств массовой информации и общественных организаций.*

Ключевые слова: *экстремизм, конституционный строй, спецслужбы.*

Summary: *Article contains the survey of the development of right extremism in THE FRG including the evolution of social composition and organizational structures, motives, methods of activity and ideological installations of its adherents in 1990s.*

In this case special attention given to the measures, which were being undertaken for the protection of the constitutional system of Germany from the threat «to the right», including to corresponding correction of criminal legislation, to the improvement of the work of the special services, police it is ship, and also the invigoration of the activities of the media and public organizations.

Key words: *extremism, constitutional system, secret services.*

Деятельность крайне «правых» сил Федеративной Республики Германия неизменно находилась в зоне пристального и отнюдь не благосклонного внимания советских обществоведов и публицистов [1]. После распада СССР и установления российско-германского партнерства интерес к данной теме в нашей стране резко ослаб. Между тем события 1990-х гг. показали, что «коричневая» угроза в Германии не стала менее актуальной. Едва отпраздновав победу в холодной войне, либеральная демократия здесь, как и повсюду в Европе, подверглась атакам радикальных националистов, которые напомнили о себе актами насилия и электоральными успехами своих партий. На фоне деятельности сторонников Ле-Пена во Франции, Босси в Италии и Хайдера в Австрии потенциал немецких крайне «правых» не кажется из ряда вон выходящим. И все же в самой Германии и за ее пределами он традиционно вызывает особую тревогу, поскольку эта страна однажды уже поддалась искушению агрессивным национализмом, которое было оплачено десятками миллионов человеческих жизней.

Впрочем, не менее тревожные тенденции развиваются сегодня и в России. В стране, понесшей наибольшие жертвы в борьбе с нацизмом, ныне активно действуют силы, возрождающие его идео-

логию, символику и методы борьбы. Духовная почва, на которой разворачивается эта деятельность, щедро унавоживалась последние два десятилетия потоком книг и телепередач об оккультных тайнах Третьего рейха, технических и военных достижениях нацизма и темных силах, готовивших некогда гибель Германии, а ныне угрожающих нашему государству. Приятно все более широкими слоями россиян подобной «духовной» пищи способствуют и известные политики, и уважаемые обществоведы, и некоторые церковные деятели, не видящие иного способа утверждения национальной идеи кроме поиска врагов России и возрождения в ней атмосферы «осажденной крепости». Поэтому вряд ли стоит удивляться нарастанию в современной России ксенофобии и агрессивного национализма. В последние годы эти настроения вылились в волну преступлений, в том числе и убийств, совершаемых на почве национальной ненависти. И если подобные эксцессы случаются также в Европе и Америке, то, пожалуй, только в нашей стране они не встречают эффективного противодействия властей или сколько-нибудь заметного общественного негодования. В то время как полицейские кордоны защищают манифестации европейских «наци» от гнева не столько их

«левых» противников, сколько случайных прохожих, в России в милицейской защите нуждаются, скорее, именно участники редких и немногочисленных антифашистских акций.

Что касается ФРГ, то здесь, по крайней мере с начала 1960-х гг., крайне «правая» угроза постоянно находится в поле зрения средств массовой информации, общественных, политических, академических и церковных кругов. В спорах о причинах этой угрозы и способах ее преодоления бросается в глаза разнообразие используемых дефиниций: речь может идти о правом радикализме и правом популизме, неонацизме и неофашизме, расизме и ксенофобии, авторитаризме и тоталитаризме, «новых правых» и «правых» вообще. Употребление этих терминов зачастую произвольно и диктуется в одних случаях логикой научных изысканий, в других — политической злобой дня.

Как справедливо отмечают сами исследователи, такой разнобой терминологии является одной из причин низкой продуктивности их дискуссий [2]. Однако суть дела заключается не столько в дефинициях, сколько в стоящих за ними подходах к рассматриваемому явлению. Многообразие этих подходов кажется естественным в политической полемике или научных изысканиях, но становится серьезной помехой при выработке практических мер противодействия крайне «правым» силам. Поэтому, вероятно, не случайно правоохранительные органы ФРГ предпочитают руководствоваться минимумом предельно четко сформулированных понятий, которые соотносятся в первую очередь с положениями Основного закона. Главную угрозу демократии они обозначают словом «экстремизм».

Термин «политический экстремизм» вошел в обиход сначала американских, а затем и западноевропейских социологов в 1950—1960-е гг. С середины 1970-х гг. он стал использоваться в изданиях Федерального и земельных центров политического образования, а также Федерального ведомства по охране Конституции и МВД. Тогда же этот термин начал внедряться в лексикон немецких судов, вытеснив из него распространенное прежде понятие «радикализм». Вместе с тем, в исследовательской литературе образовалось широкое поле для различных интерпретаций обоих понятий, а также их возможного соотношения. В большинстве случаев термин «радикализм» употреблялся в 1970—1980-е гг. в исследованиях немецких обществоведов как собирательное обозначение всех, в

том числе и экстремистских сил, которые атакуют демократию справа и слева. Он мог обозначать также «смягченную» разновидность экстремизма. При этом, как правило, предполагалось, что главным отличительным признаком последнего является безусловная готовность к насильственным действиям.

Вопрос о соотношении политического радикализма и экстремизма, а также степени их опасности для демократии не обошли своим вниманием и органы защиты конституционного строя ФРГ. Как следует из отчета Конституционного суда за 1992 г., принятое им определение экстремизма учитывает то обстоятельство, что политические действия или организации «не могут считаться антиконституционными лишь потому, что преследуют, по общепринятому словоупотреблению, “радикальные” политические цели. Они являются “экстремистскими”, а значит, в правовом смысле антиконституционными лишь тогда, когда направлены против... основного состава Конституции нашего свободного правового государства» [2; 26]. В этот состав включаются: уважение прав человека, прежде всего, права личности на жизнь и свободное развитие; народный суверенитет; разделение властей; ответственность правительства перед народным представительством; подчинение власти закону; независимость судов; принцип многопартийности; равенство шансов для всех политических партий и осуществляемое в рамках Конституции право на формирование оппозиции [3]. В соответствии с этим политический экстремизм определяется как враждебная Конституции деятельность «правой» или «левой» организации, направленная на подрыв свободного и демократического государственного строя. В последние годы данная формула употребляется в текстах Федерального министерства внутренних дел, Конституционного суда и других государственных учреждений ФРГ [2; 4].

Таким образом, в своем определении экстремизма немецкая юстиция принимает во внимание лишь его антиконституционный характер, но не берет в расчет ни степень его радикализма, ни различия его «левой» и «правой» ветвей. Эти моменты, второстепенные с точки зрения юристов-практиков, рассматривались в многочисленных работах немецких политологов, правоведов, социологов и историков. При этом исследователи ставили задачу наполнить конкретным смыслом «бессодержательную» на их взгляд дефиницию экстремизма, указывающую лишь на его антиконституционную (антидемократическую) природу [5].

Что касается «правой» разновидности экстремизма, то ее наиболее емкое и наименее спорное определение было предложено в 1984 г. одним из ведущих исследователей данного феномена Х.-Г. Яшке. Под «правым» экстремизмом он понимал «совокупность ценностных и поведенческих стереотипов, а также организованных и спонтанных акций, которые утверждают морально или религиозно обоснованное неравенство, стремятся к этнической однородности нации, подчеркивают превосходство общности над индивидом, отрицают ценностный плюрализм и направлены против процессов демократизации общества» [2].

Как известно, демократизация Германии была важнейшим условием восстановления ее государственности после Второй мировой войны. Выдвинув это условие на Потсдамской конференции 1945 г., главы держав антигитлеровской коалиции тем самым заложили политико-правовую базу для искоренения нацизма и последующей борьбы с «правой» угрозой на немецкой земле. После образования ФРГ и ГДР эти prerogatives перешли от международного сообщества к самим немцам. Но если авторитарный режим социалистической ГДР осуществлял их без видимых затруднений, то основанный на принципах либеральной демократии парламентский режим ФРГ устранить угрозу «справа» до конца так и не смог.

Гарантии незыблемости конституционного строя Федеративной Республики Германия содержатся в самих положениях ее Основного закона, одобренного 8 мая 1949 г. Принимавшие участие в работе над проектом этого документа политики и правоведы постарались учесть печальный опыт Веймарской демократии и не допустить его повторения в будущем. Поэтому они не ограничились провозглашением вновь созданного немецкого государства демократической, правовой, федеративной и социальной республикой, но заложили в его конституцию широкий набор средств для отражения возможных посягательств на ее устои. Так, в отличие от ценностно-нейтральной, а потому оставлявшей простор для деятельности антидемократических сил Веймарской конституции, Основной закон ФРГ возводит ценности либеральной демократии в ранг неустрашимых принципов. Он снабжен механизмом защиты этих принципов, начиная от нарочито усложненной процедуры принятия поправок и кончая правом граждан на сопротивление любым попыткам устранения конституционного строя.

Пресечение антиконституционной деятельности в ФРГ легитимируется не только собственными положениями Основного закона, но и созданным в 1951 г. Федеральным конституционным судом. В деятельности этого органа в наиболее чистом виде претворилась заложенная в Основном законе ФРГ идея «оборонеспособной» демократии, которая призвана защищаться от своих смертельных врагов как «справа», так и «слева». В подобных случаях Конституционный суд опирается на те положения Основного закона, которые предусматривают, в частности, запрет объединений, «цели и деятельность которых направлены против конституционного строя» (ст. 9); лишение основных прав лиц, злоупотребляющих этими правами «для борьбы против основ свободного демократического строя» (ст. 18) и признание антиконституционными партий, которые «по своим целям или поведению своих сторонников стремятся причинить ущерб основам свободного демократического строя, либо устранить его, или поставить под угрозу существование Федеративной Республики Германии» (ст. 21) и т. п. [6; 156, 161, 162].

Тем не менее, с самого начала и на всем протяжении существования ФРГ в стране действовали силы, которые стремились так или иначе продолжить дело нацизма. Впервые они заявили о себе в лице Социалистической имперской партии, созданной в 1949 г. в качестве прямой наследницы НСДАП и запрещенной в 1952 г. решением Федерального конституционного суда [7; 11—16]. Еще одной пробой сил немецких неонацистов стала волна антисемитских акций (так называемая «волна пачкотни», поскольку речь шла преимущественно о граффити соответствующего содержания на стенах домов, заборах, мостовых и т. п.), которая внезапно охватила всю Западную Европу в конце 1950-х гг., но также быстро сошла на нет в начале 1960-х гг. Гораздо более серьезным испытанием для западногерманской демократии стало основание в 1964 г. национал-демократической партии Германии, которой удалось консолидировать все крайне «правые» силы ФРГ. Однако стремительный взлет НДП был прерван ее поражением на выборах в Бундестаг 1969 г. [8; 48—62]. Следующая вспышка «правого» экстремизма пришлось в ФРГ на конец 1970-х гг., когда решался вопрос о законодательном ограничении трудоустройства иностранцев. В проводившихся тогда социологических исследованиях утверждалось, что до 13 % западных немцев являются носителями «последовательно правоэкстремистских взглядов». В начале 1980-х гг. ксенофобия

в ФРГ на короткое время ослабла с тем, чтобы вновь усилиться в конце десятилетия и вылиться в серию краткосрочных электоральных успехов Партии республиканцев.

Последний по времени и самый мощный всплеск «правого» экстремизма в послевоенной Германии случился в начале 1990-х гг. вскоре после объединения страны. Его первым актом стало нападение группы молодежи в сентябре 1991 г. на общежитие иностранцев-мигрантов в небольшом городке Хойерверда. В последующие недели волна избиений иностранцев и поджогов их жилищ прокатилась уже по всей Германии. В октябре полиция зафиксировала свыше 100 подобных эксцессов, в ноябре — уже тысячу, а всего в 1991 г. — около полутора тысяч. В 1992 г. число нападений возросло до 2639, а количество убитых при этом достигло 17 человек. Жертвами «правых» экстремистов оказывались вьетнамцы, ливанцы, турки, представители других национальностей — как недавно приехавшие в Германию, так и те, кто давно здесь натурализовался. Среди них было немало женщин, стариков и детей. В сообщениях с мест событий раз за разом звучала пугающая деталь: толпы местных жителей, наблюдавших за действиями погромщиков, не только не пытались их остановить, но выказывали бурное одобрение и поощряли к еще большей жестокости.

Подъем «правого» экстремизма в объединенной Германии выразился не только в эскалации насилия, но и усилении Республиканцев и Немецкого народного союза. На проходивших в начале 1990-х гг. земельных выборах эти праворадикальные партии получали от 6 % до 11 % голосов избирателей [9]. Одновременно укреплялись менее крупные, но еще более агрессивные организации. Одних лишь неонацистских группировок, открыто провозглашавших своим идеалом Третий рейх, в первой половине 1990-х гг. насчитывалось около трех десятков. К подобным объединениям причислял себя каждый четвертый участник правоэкстремистских эксцессов. Еще около 40 % из них принадлежали к так называемым скинхедам. Всего же по данным немецких спецслужб к 1994 г. членами ультраправых организаций состояли 42 тыс. немцев, то есть вдвое больше, чем в 1985 г.

Правда, в том же 1994 г. активность правоэкстремистских сил в Германии достигла своего апогея, а затем пошла на убыль. Этот спад объяснялся отчасти ужесточением государственных санкций против погромщиков, отчасти усилением общественного противодействия эксцессам, но, прежде

всего, введением в 1993 г. в Основной закон статьи, серьезно ограничившей возможности иммиграции в ФРГ. Уменьшению числа преступлений на почве национальной вражды сопутствовало снижение электоральных показателей праворадикальных партий. В конце 1990-х гг. даже крупнейшие из них не получали в совокупности более 6 % голосов избирателей.

Неудачи последних лет побуждают немецких «правых» модернизировать формы и методы своей борьбы. Сегодня их действия все больше переносятся на внепарламентскую арену, где смыкаются с активностью молодежных субкультур. Речь идет о создании уличными бандами (прежде всего скинхедами) так называемых «освобожденных зон» и учреждении там собственной «контрвласти». В подобных анклавах «правые» намерены преследовать противников, поддерживать единомышленников, а главное — утверждать тот «коричневый стиль жизни», который определит повседневную культуру местного населения. Таким образом, националисты на свой лад реализуют идею Антонио Грамши о достижении «культурной гегемонии» как предпосылке завоевания политического господства. Узурпировав эту «левую» тактику, «правые» уже пожинают ее плоды: сегодня они доминируют в молодежной культуре во многих местностях на востоке Германии, где диктуют стиль поведения, одежды и речи.

Спецслужбы ФРГ предсказывают также, что ужесточение санкций против «ультраправых» приведет к постепенной замене их сплоченных партийных структур все более рыхлой («ризомной») сетью спонтанно возникающих кружков и групп. Богатые возможности здесь открывают современные коммуникационные технологии — Интернет, электронная почта, сотовая связь и т. п., — за которыми технически сложнее вести наблюдение. Кроме того, правительственный и общественный контроль за активностью «правых» будет осложняться дальнейшим перемещением их издательской деятельности в страны с более либеральным законодательством — США, Данию и Голландию. Скорее всего, это также затруднит принятое до сих пор различие организованных акций от неорганизованных.

Между тем вопрос о том, насколько организованный характер имеет преступность на почве «правого» экстремизма, является одним из самых дискуссионных. Так, «левая» общественность давно упрекает немецкую юстицию в весьма неохотном преследовании правоэкстремистских

группировок и стремлении квалифицировать их действия как одиночные. Однако полицейская статистика за первую половину 1990-х гг. дает более сложную картину. С одной стороны, она отнесла к групповым 94 % насильственных преступлений, совершенных из правоэкстремистских побуждений [10]. Но, с другой стороны, судя по тем же полицейским данным, абсолютно большая часть этих акций начиналась спонтанно, без предварительной подготовки и развивалась под влиянием случайных факторов. Очевидно, что насилие на почве «правого» экстремизма сегодня исходит не от сплоченных организаций, но в большей степени от «неформальных» празднующихся групп, которые не подпадают под определение преступных сообществ.

Современный «правый» экстремизм ФРГ отличается от неонацизма 1950—1980-х гг. не только формами борьбы, но также социальным составом и мотивацией его представителей. Об этом свидетельствуют сводки немецкой полицейской и судебной статистики, отчеты Федерального бюро по защите конституции и данные социологических обследований. На первый взгляд, эти материалы подтверждают старое представление о том, что радикализм политического поведения вызван социальным неблагополучием. Действительно, показатели образования, занятости и доходов приверженцев «правого» экстремизма оказываются несколько ниже среднестатистических. Этим же, в частности, объясняется большая агрессивность «правых» во вновь присоединенных восточных землях, которые в начале 1990-х гг. слыли зонами экономического бедствия. В самом деле, массовые погромы в то время случались на территории бывшей ГДР, тогда как на западе Германии речь шла лишь о скрытых вылазках небольших групп. В целом, относительные показатели преступности на почве ксенофобии в «новых» землях ФРГ были в три раза выше, чем в «старых».

И все же немецкая статистика показывает, что участники правоэкстремистских акций 1990-х гг. в своем подавляющем большинстве не были представителями маргинальных групп или лицами, обделенными при распределении социальных благ. Более 90 % из них составили молодые люди в возрасте до 30 лет, свыше половины которых были учащимися. Причем, как отмечали социологи и педагоги, очень часто это были «нормальные» выходцы из «респектабельных» семей. Здесь речь идет о так называемом «шовинизме благосостоя-

ния»: именно у юношей с наибольшими финансовыми возможностями отмечается относительно более высокая степень агрессивности по отношению к иностранцам, а заодно и всякого рода «маргиналам» — бездомным, нищим, инвалидам и т. п. «Правый» экстремизм предстает в этом свете не как следствие обнищания или социальной изоляции, а, скорее, как специфически молодежный феномен. Это значит, что выработке правоэкстремистской ориентации способствуют не столько материальные, сколько социокультурные и социально-психологические факторы [11].

Многие немецкие авторы сходятся во мнении, что причиной молодежного насилия, в том числе и против иностранцев, является рост социальной дезинтеграции, отчуждения и чувства неуверенности, который наблюдается повсеместно — на улице, в семье и на производстве [12]. Вместе с тем, представление о «правом» экстремизме как маргинальном явлении уступает место убежденности в том, что он коренится в самом обществе, которое — вопреки своим декларациям — нередко практикует насилие. Но все же главной причиной агрессии молодежных группировок в Германии, как и везде в Европе, сегодня является ощущение угрозы, которую несет «государству всеобщего благоденствия» нынешний приток мигрантов со всего мира. На многих немцев оказывают провоцирующее воздействие сообщения о трудностях, порождаемых миграцией, неподобающем поведении иностранцев или собственный негативный опыт общения с ними. Есть основания думать, что власть, с порога отменявшая страхи местного населения, тем самым внушала ему чувство беспомощности и умножала число если не погромщиков, то избирателей правоэкстремистских партий.

Социальные и психологические напряжения, вызванные глобальной миграцией, становлением «мультикультурного» общества и кризисом «государства благоденствия», привели к серьезным изменениям идеологии «правого» экстремизма. Модернизация его идейных установок особенно очевидна в Германии начала 1990-х гг. Прежде всего, немецкие «новые правые» (Г. Машке, Б. Вилльмс, Г.-Д. Зандер) демонстрируют меньшую преемственность с классическим нацизмом, чем это делали неонацисты 1950—1980-х гг. В своих кумирах они числят уже не Гитлера и даже не братьев Штрассеров, а «революционных консерваторов» Веймарского периода — К. Шмитта, А. Меллера ван ден Брука, О. Шпенглера, Э. Юн-

гера и т. п. Одновременно происходит «интеллектуализация» идейного багажа крайне «правых». Развивая националистические идеи, они дополняют их различными социалистическими, экологическими и естественно-научными доктринами. Основными компонентами идеологии немецкого «правого» экстремизма сегодня стали следующие.

Во-первых, критика современной цивилизации, унаследованная от «немецкого движения» периода Веймарской республики. Продолжая эту традицию, «новые правые» отвергают основополагающие ценности новоевропейской культуры, которые утвердились после Великой французской революции. Индивидуализму они противопоставляют примат «общего блага» и «сильного» государства, а политическому плюрализму — идею бесконфликтного общества.

Во-вторых, современные «правые» переняли у реакционеров «старого закала» представление о политике как борьбе, которая не знает компромиссов и ведется до полного уничтожения врага. Образ этого «врага» предельно консолидирован и включает в себя не только мигрантов, но и «потворствующую» им либеральную интеллигенцию. Сегодня пропаганда «новых правых» может не иметь открыто антисемитский характер. Однако она несет в себе заряд ненависти, вполне сравнимый с той, которая насаждалась нацистами по отношению к евреям.

В-третьих, «правые» ФРГ требуют этнической и культурной гомогенности нации. С этим связано категорическое неприятие «мультикультурного» общества и убежденность в том, что конституционные права человека должны распространяться не на всех жителей Германии, а только на «немцев». При этом «новые правые» объявляют однородность и ликвидацию всех чужеродных элементов чуть ли не сущностной чертой демократии.

В-четвертых, «правые» стремятся пересмотреть историю Германии и стереть память о преступлениях нацизма. В отличие от неонацистов, «новые правые» избегают прямой апологии Третьего рейха. Вместо этого они предпочитают приуменьшать серьезность нацистских злодеяний либо вообще отрицать их. Однако эта ревизия также подрывает легитимность нынешнего строя ФРГ и способствует возрождению старого комплекса национального превосходства.

И, наконец, пятым, важнейшим слагаемым идеологии немецких «новых правых» является идея этноплюрализма. Ее воплощением должна стать «Европа свободных народов», в центре кото-

рой, конечно, будет находиться Германия. Эта программа лишена — по крайней мере, внешне — экспансионистских черт и не содержит апологии агрессии. Скорее, речь идет об апартеиде — европейские народы должны остаться «чистыми», а смешение рас объявляется недопустимым. Там, где оно уже имеет место, необходимо воссоздать первозданную чистоту, поскольку свойства других народов несовместимы с исконно немецкими «добродетелями». С этой идеей связаны и конкретные внешнеполитические требования. Их смысл заключается в том, что европейская интеграция и союзные отношения (прежде всего, с Америкой) не должны вести к ограничению свободы действий Германии. Эта позиция иногда дополняется призывами к союзу с Россией. Основой такого союза должна стать миссия антииндивидуализма, антилиберализма и антизападничества, которую издавна отводят своим странам крайне «правые» как Германии, так и России.

Но, думается, русофильство немецких «новых правых» не должно обольщать их российских единомышленников. Оно вряд ли предполагает равноправное сотрудничество двух стран, не говоря уже о том, способно ли такое партнерство в принципе нести процветание кому бы ни было. Во всяком случае, симпатии, которые питали к нашей стране некоторые «старые правые» Веймарской поры, не помешали им стать идейными предтечами Гитлера с его планами уничтожения России. По той же причине не должны обманывать отсутствие в идейном багаже «новых правых» открытого антисемитизма и прямой апологии нацизма или частичное усвоение ими либерально-демократической фразеологии. Движение, которое вдохновляется их идеями, еще недавно творило насилия, проливало кровь невинных людей и оставляло после себя пепелища.

Стоит заметить, что в самой Германии правоэкстремистская волна начала 1990-х гг. не сразу получила отпор. Столкнувшись с первыми эксцессами, власти всех уровней успели продемонстрировать в одних случаях откровенную беспомощность, в других — поразительную уступчивость, позволившую оппозиции заговорить если не о сговоре правительства с погромщиками, то, по меньшей мере, о его благожелательном нейтралитете [2; 15, 23, 26, 27]. Подобные упреки звучали в адрес практически всех государственных структур, но, прежде всего, спецслужб, которые не предупредили активизацию «правых», полиции, которая равнодушно взирала на побоища, а также судов,

которые выносили погромщикам поразительно мягкие приговоры. В самом деле немецкая юстиция, еще недавно свирепо каравшая «левых» участников мирных антивоенных акций, оставалась «слепой на правый глаз», как и во времена Гинденбурга или Аденауэра. Осознание угрозы, которую «правый» экстремизм несет государству, приходило к властям постепенно, по мере того, как множилось число жертв и росло возмущение немецкой, а главное — международной общественности.

Окончательный перелом в настроениях наступил в Германии лишь в ноябре 1992 г. после избития в г. Мелльне семьи турецких мигрантов, в результате которого погибли три женщины и девочка. Это преступление отозвалось в ФРГ повсеместным протестом и поисками мер противодействия «правому» экстремизму. В развернувшихся дискуссиях были предложены десятки соответствующих программ — в основном, нацеленных на политическое и социальное образование молодежи. И все же, несмотря на широкий размах этих дебатов, их участники были согласны в том, что им так и не удалось найти надежных рецептов против «правой» угрозы. Единственная истина, кажущаяся бесспорной, заключается в необходимости комплексного применения различных «стратегий» и сплочения всех сил, способных противостоять этой опасности. В качестве таких сил в ФРГ назывались семья и школа, профсоюзы и церковь, система политического «всеобуча» и средства массовой информации. Однако в первую очередь участники дискуссий говорили о необходимости самых активных мер со стороны государства, его силовых ведомств и правоприменительных структур.

Первые шаги по отражению угрозы «правого» экстремизма были предприняты властями ФРГ в конце 1992 г., когда была создана специальная межведомственная комиссия Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Ведомства по охране конституции. Предложенные ею меры предусматривали в первую очередь запрет правоэкстремистских организаций. Всего с 1992 по 1996 гг. Федеральным конституционным судом и МВД были принудительно распущены 12 объединений, в том числе и такие заметные, как «Национальное наступление», «Немецкая альтернатива» и «Националистический фронт». Эта процедура проводилась в соответствии со статьей 21 Основного закона, предусматривающей возможность признания антиконституционными партий, которые «по своим целям или поведению своих сторонников стремятся причинить ущерб основам демо-

кратического строя ФРГ». Так на деле был реализован заложенный в Конституцию принцип «обороноспособной демократии», который ранее применялся, в основном, для защиты от угрозы «слева» [13; 21—22].

Второй в списке мер противодействия «правому» экстремизму в современной Германии стала ориентация процессуальной практики на более активное применение политического уголовного законодательства. Вплоть до 1993 г. немецкие суды оправдывали свою пассивность по отношению к «правым» экстремистам ссылками на серьезные прорехи в законодательстве. На самом деле они крайне неохотно применяли уже имевшиеся законы и чрезмерно мягко квалифицировали соответствующие преступления. Чтобы покончить с этой практикой, потребовались жесткие решения Федерального верховного суда (в частности, включение расизма в число побудительных мотивов к убийству и распространение признаков «преступной организации» на правоэкстремистские группировки). После ряда показательных процессов, проведенных Верховными земельными судами, это положение вошло в норму, и с середины 1990-х гг. немецкая Фемида уже не заслуживает упрека в «неравном» подходе к угрозе «слева» и «справа».

Наряду с указанными мерами, заметно активизировались действия немецкой полиции и спецслужб. Прежде всего, власти ФРГ направили усилия на решительное искоренение крайне «правых» и расистских течений в самой полиции. Акцент был сделан на повышение квалификации ее сотрудников, включая их политическое образование, а также на пополнение их состава значительным числом мигрантов [14]. Но поскольку было ясно, что одними полицейскими акциями проблемы «правого» экстремизма не решить, параллельно с этим было расширено уголовное законодательство. В конце 1994 г. после специальных парламентских слушаний депутаты Бундестага внесли в него ряд корректив, которые усилили его уголовно-политический раздел. В частности, была введена уголовная ответственность за так называемую «Ложь об Освенциме», причем имеется в виду не только отрицание нацистских преступлений в одном конкретном концлагере, но всякая попытка оспорить факт нацистского геноцида. Вводились также санкции за попытки одобрения, отрицания или уменьшения преступлений, совершенных во времена национал-социализма. Наряду с этим, однозначно наказуемым стало применение атрибутики антиконституционных организаций, а также схо-

жих с ней символов. Одной из новелл действие политического уголовного законодательства было распространено на деяния, простирающиеся за территориальные пределы ФРГ.

В первой половине 1990-х гг. в ФРГ на короткое время вновь ожила идея поголовного «вычищения» противников конституционного строя из государственных учреждений. Применить эту репрессивную меру теперь предлагалось против Республиканцев, а сами предложения чаще всего исходили из тех самых кругов, которые в 1970-е гг. упорно сопротивлялись принятию направленного прежде всего против «левых» «указа о радикалах». Это предложение не встретило достаточной поддержки общественности и властей, зато были предприняты некоторые другие меры: запрет в административном порядке в ряде федеральных земель вывешивать «имперский военный флаг», ограничения на выезд из страны для активистов правоэкстремистских организаций и т. п. Тем не менее, немецкие исследователи выступают против возможного ограничения мер противодействия «правому» экстремизму лишь сферой государственной безопасности, а также против пренебрежения социальными программами и молодежной политикой, направленной на подавление самих причин возникновения «правого» экстремизма.

Оценивая меры, предпринятые в 1990-е гг. немецким государством для отражения «правого» экстремизма, стоит заметить, что среди них не было практически ни одной, которая не вызвала бы сомнений специалистов с точки зрения законности или эффективности. Так, усиление активности полиции наталкивалось на протест против ее политизации, а ужесточение процессуальной практики рождало страх перед судебским произволом. Наибольшие возражения немецких юристов встретила корректировка уголовного законодательства. С одной стороны, утверждалось, что предпринятые изменения носили символический характер, так как были отчасти излишни, а отчасти негодны. Излишни, поскольку приговоры, выносившиеся после 1994 г., могли быть вынесены на основе уже имевшегося законодательства. Негодны потому, что новые санкции вряд ли могли быть применены к погромщикам, которые часто принадлежали не к сплоченным организациям, а к праздношатающимся кампаниям и, к тому же, не обладали правоэкстремистской ориентацией. Действительно, специалисты не раз обращали внимание на то, что мотивация погромщиков в 1990-е гг. далеко не всегда была связана

с пропагандой нацизма или стремлением установить подобную ему диктатуру.

С другой стороны, некоторые немецкие правоведы видели в ужесточении норм уголовно-политического законодательства угрозу демонтажа гражданских прав. И здесь приходится признать, что история развития законодательства ФРГ не раз демонстрировала противоречие между стремлением законодателя максимально защитить конституционные основы государства и вытекавшей из этих усилий тенденцией к ограничению тех гражданских прав, которые, собственно, и составляют эти основы. Этот парадокс «оборонеспособной демократии» дает о себе знать в Германии чаще, чем в большинстве других демократических государствах, и вызывает здесь особенно болезненный отклик в обществе. Линия поведения западногерманского государства в отношении организованного правого экстремизма может быть оценена в зависимости от политических предпочтений наблюдателя либо как непоследовательная и нерешительная, либо как угрожающая этим устоям едва ли не больше, чем сам экстремизм, либо как достаточно гибкая для того, чтобы в конечном счете не допустить разрушения демократических устоев ФРГ. Например, К. Леггеви и Б. Майер справедливо замечали, что ограничение демократических прав и свобод ради защиты конституционных основ может привести к созданию полицейского государства, то есть именно к тому, чего добиваются «правые» экстремисты [15].

И все же опыт борьбы с «правым» экстремизмом в Германии говорит не только о необходимости жестких мер против активистов этого движения. Ни ужесточение законодательства, ни активизация судов и полиции сами по себе не гарантируют незыблемость демократии. То, что ни одна из правоэкстремистских волн, прокатившихся по ФРГ, не нанесла ущерб ее конституционным устоям, объясняется в первую очередь тем, что демократия здесь стала основой социальной справедливости и в то же время залогом немецкой конкурентоспособности в современном мире. Когда это не происходит, у крайне «правых» появляется реальный шанс вновь синтезировать национальную и социальную идеи в гремучую смесь национал-социализма. Пожалуй, в этом и заключается основной урок прошлого и настоящего Германии: демократия не должна отдавать ни социальную, ни национальную идею на откуп тем, кто мечтает видеть свой народ иерархически организованной, «закрытой» и враждебной всему миру общностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломейко В. Б. Есть ли шансы у нового Адольфа? М., 1968; Ефремов А. Коричневая угроза. М., 1970; Генри Э. Заметки по истории современности. М., 1970; Галкин А. А. Социология неофашизма. М., 1971.
2. Jaschke H.-G. Rechtsextremismus und Fremdefeindschaft. Begriffe, Positionen, Praxisfelder. Opladen, 1994. S. 25; Butterwegre Chr. Rechtsextremismus, Rassismus und Gewalt. Erklärungsmodelle in der Diskussion. Darmstadt, 1996. S. 31.
3. Im Überblick: Bundesrepublik Deutschland. Politik, Wirtschaft, Sozialordnung. Frankfurt a.M., 1990. S. 21. Речь идет о принципах, закрепленных, соответственно, в ст. 1; ст. 2; ст. 20; ст. 21; ст. 67 и ст. 97 Основного закона ФРГ (см.: Конституции зарубежных государств. Соединенные Штаты Америки. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Япония. Канада. М., 1996. С. 153—154, 162, 179, 199—200).
4. Эта формула нашла применение и в исследовательской литературе ФРГ, прежде всего, в трудах приверженцев теории тоталитаризма (см. напр.: Backes U., Jesse E. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin, Frankfurt a.M., 1993).
5. Kowalsky W., Schroeder W. Einleitung. Rechtsextremismus — Begriff, Methode, Analyse // Dies. (Hrsg.) Rechtsextremismus. Einführung und Forschungsbilanz. Opladen, 1994. S. 9. Правда, нельзя не заметить, что попытки уточнить понятие «экстремизм» были подвержены политическим и научным пристрастиям авторов не в меньшей степени, чем их усилия по выяснению сущности «правой угрозы».
6. См.: Конституции зарубежных государств. Соединенные Штаты Америки. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Япония. Канада. М., 1996. С. 156, 161, 162.
7. Assheuer Th., Sarkowicz H. Rechtsradikale in Deutschland. Die alte und die neue Rechte. München, 1992. S. 11—16.
8. Ежов В. Д. Неонацизм в ФРГ // Новая и новейшая история. 1971. № 1. С. 48—62.
9. Butterwegre Chr., Meier L. Bremen — das kleinste Bundesland als parlamentarisches Experimentierfeld für die extreme Rechte // Butterwegre Chr., Griese B., Kruger C., Meier L., Niermann G. Rechtsextremisten in Parlamenten. Forschungsstand. Fallstudien. Gegenstrategien. Opladen, 1997. S. 55—146; Griese B., Niermann G. Rechtsextremisten in nordrhein-westfälischen Kommunalparlamenten (1989—1994) // Ebenda. S. 147—208; Meier L., Griese B. Die REPublikaner im Landtag von Baden-Württemberg // Ebenda. S. 209—243; Kruger C. Der REP-Bundestagswahlkampf 1994 // Ebenda. S. 243—266.
10. Здесь и дальше статистика, связанная с погромами первой половины 1990-х гг., дается по: Jahn J. Strafrechtliche Mittel gegen Rechtsextremismus. Die Änderungen der § 130 und 86 a StGB als Reaktion auf fremdenfeindliche Gewalt im Licht der Geschichte des politischen Strafrechts in Deutschland. Frankfurt a.M., Berlin, 1996. S. 15.
11. Leggewie C., Meier H. Republikerschutz. Maßstäbe für die Verteidigung der Demokratie. Mit zwei Exkursen von A. Molter und W. Stenke. Hamburg, 1995. S. 36.
12. Этот тезис развит в публикациях Билефельдской рабочей группы, в частности, В. Хайтмейера. Речь идет об увеличении числа лиц и целых социальных групп, которые все больше проигрывают от модернизации.
13. Ebenda. S. 21—22.
14. Butterwegre Chr. Strategien gegen Rechtsextremismus, Rassismus und Gewalt // Butterwegre Chr., Griese B., Kruger C., Meier L., Niermann G. Op. cit. S. 267 ff.
15. В связи с этим Леггеви и Майер призывали к отказу от изжившей себя теории «оборонеспособной демократии» и обслуживающими ее трактовками экстремизма в пользу «просто демократии» (см.: Leggewie C., Meier H. Die Berliner Republik als Streitbare Demokratie? // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1992. H. 5. S. 598—604.

Воронежский государственный университет
С. Г. Алленов, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории нового и новейшего времени
Воронежского государственного университета,
deanery@hist.vsu.ru
Тел.: 24-75-10

Voronezh State University
S. G. Allenov, the candidate of historical science,
the docent of department of Modern History
of the Voronezh State University,
deanery@hist.vsu.ru
Tel.: 24-75-10